

В.Г. Моисеева (Москва, Россия)

Вячеслав Кондратьев о войне, памяти и творчестве

Аннотация: В статье на материале повести «Селижаровский тракт» В. Кондратьева рассматриваются основные особенности художественного стиля писателя. Анализ жанровой формы, повествовательной структуры и принципов построения сюжета позволил показать, чем определяется своеобразие образа войны в прозе В. Кондратьева. Литературоведческий разбор включен в биографический и историко-литературный контекст, что дало возможность выявить внешние факторы, повлиявшие на формирование индивидуального стиля писателя, посмотреть на его творчество в исторической перспективе, сформулировать ответ на вопрос, почему тот образ войны, который представлен на страницах произведений Кондратьева, так важен сегодня в общей картине Великой Отечественной войны, созданной писателями – представителями так называемой «лейтенантской» прозы.

Ключевые слова: В.Л. Кондратьев, «лейтенантская» проза, жанры военной прозы, Великая Отечественная война

V.G. Moiseeva (Moscow, Russia)

Vyacheslav Kondratiev on War, Memory and Creativity

Abstract: The article concerns the features of Kondratiev's artistic style. The genre, descriptive structure and plot principles of "Selizharovsky Trakt" are analysed to show the originality of the war picture, created by Kondratiev. The analysis of biographical and historical-literature context reveals external factors that has influenced the formation of an individual style of the writer. His creative work is presented in the historical perspective to answer the question why Kondratiev's Great Patriotic War image is so important today.

Key words: Vyacheslav Kondratiev, lieutenants' prose, war prose genres, Great Patriotic War,

Визитной карточкой Вячеслава Леонидовича Кондратьева в «военной» прозе стала повесть «Сашка» (напечатана в 1979 г. в журнале «Дружба народов»). Так получилось, что, опубликованная первой из написанного Кондратьевым, эта повесть осталась в сознании большинства критиков и читателей его главным произведением. В наши задачи не входит решение вопроса о том, насколько оправданно такое предпочтение, но хотелось бы напомнить о других «главах» «ржевского романа».

Точнее, об одной из «глав», которой он начинался и прочтение которой из дня сегодняшнего, когда «лейтенантская» проза стала уже фактом истории¹, поможет понять, почему тот образ войны, который создает на страницах своих произведений Кондратьев, так важен в общей литературной картине Великой Отечественной войны.

Кондратьев приходит в литературу уже зрелым человеком, когда (в конце 1970-х) критика заговорила об усталости «военной» литературы, однако появление повестей Кондратьева заставило признать поспешность такого рода выводов.

Д. Гранин в одном из интервью объяснял, почему он только в 2000-е гг. решил рассказать о своей войне: «Когда я пришел с войны, мне хотелось только одного – поскорее забыть пережитое. Потом появилось много хороших книг о войне, и мне подумалось: что же я буду соревноваться с Василем Быковым, Виктором Астафьевым, Григорием Баклановым и другими замечательными авторами?»² Мы вспоминаем это объяснение Гранина, чтобы показать, насколько сложно было и Кондратьеву, когда уже написаны основные произведения названных Граниным авторов, сказать свое слово о войне. Однако, по верному замечанию И. Дедкова, «место Вячеслава Кондратьева оставалось свободным. Оно словно ждало его»³.

Путь Кондратьева к первой публикации был долгим. Напомним некоторые факты, важные, с нашей точки зрения, для понимания особенностей художественного стиля писателя.

Писать он начал еще в сороковые годы. Первые его опыты – в драматургии. Можно предположить, что они были довольно удачными, поскольку вторую пьесу принял к постановке Московский драматический театр имени К.С. Станиславского. Но автор забрал пьесу из театра. Этот эпизод многое говорит о Кондратьеве: далеко не всякий начинающий автор откажется от удовольствия увидеть свое имя на афише столичного театра только потому, что у него самого есть претензии к написанному. Драматургический опыт пригодится Кондратьеву в будущем, при создании эпических произведений, о чем мы скажем ниже.

О *своей* войне Кондратьев начал писать в 1960-е гг. И здесь, как и в случае с драматургией, он не побоялся отказаться от написанного, когда понял, что получается не то и не так, как должно, по его мнению. Вот как об этом «переломе» вспоминает сам писатель: «Первую попытку написать что-то о Ржеве я сделал в шестидесятом году. Напечатал страниц триста. Для себя назвал их “ржевской прозой”. И вдруг почувствовал необходимость побывать на местах боев. Я плюнул на все и поехал. Захватил с собой рукопись и взял еще этюдник, думал, что, может, передовую напишу. Но на поле оказалось, конечно, не до живописи: бывшая передовая произвела страшное впечатление. Всюду валялись каски, ящики от патронов, торчали оперенья от невзорвавшихся бомб. И вот там, на Овсянниковском поле, полистав, сидя на опушке, свою рукопись, я понял, что написал совсем не то. Я тогда понял, как не надо писать о войне. Для того, чтобы понять – как надо, понадобилось еще четырнадцать лет»⁴.

Эти годы дали еще и ту необходимую временную дистанцию, которая позволила Кондратьеву по-новому увидеть и оценить свой личный военный опыт, когда то, что было как у всех прошедших войну, не обесценивается этим, а, напротив,

¹ 1 июля 2107 г. ушел из жизни последний представитель это течения, Даниил Александрович Гранин.

² См.: www.tunnel.ru/view/post:619654 (речь идет о книге «Мой лейтенант», опубликованной в 2011 г.).

³ Цит. по: *Огрызко В.* Моя война – это страшный пехотный бой // Литературная Россия. 2006. № 28 (litrossia.ru/archive/item/1005-tratatest).

⁴ Цит. по: *Огрызко В.* Моя война – это страшный пехотный бой.

придает этому опыту эпический масштаб: «Потому и не смог писать сразу, по горячим следам, что, кроме собственного опыта, тогда у меня ничего не было... Все мои друзья воевали, и их рассказы, конечно же, откладывались в памяти. Со временем произошло какое-то осознание того, что было. Ну, например, ни за что бы не стал писать “Отпуск по ранению”, скажем, через десять лет после войны. Тогда бы я рассуждал примерно так: “Ну что, собственно, в том, что Володька-лейтенант приехал до окончательного излечения в Москву? Ну, лечился, гулял, знакомился – что здесь необычного?” В самом деле: сколько тогда рядом было таких же, которые так же в свое время приезжали, лечились, гуляли, знакомились... Однако прошли годы, бывших фронтовиков все меньше и меньше, и я теперь воспринимаю это иначе: все отчетливее понимаю, ЧТО стояло за этим отпуском, и еще, что это был НЕ ТОЛЬКО МОЙ отпуск, но и отпуск очень многих, может, десятков тысяч, и наши переживания, наверное, были схожими. Значит, можно и важно об этом рассказать. Также наверняка тогда не пришло бы мне в голову писать “Селижаровский тракт”: все же прошли эту дорогу на войну, все сутки и больше с эшелона добирались до передовой. Что интересного: идет батальон, месит грязь или вязнет в снегу... А однажды вдруг все это показалось важным»¹.

Кондратьев, как и другие авторы «лейтенантской» прозы, начал с рассказа о событиях, которые были частью его личной военной биографии: «...я взялся за “Селижаровский тракт”. Была написана уже половина книги, как вдруг перед глазами возник образ Сашки. Он взял меня в плен. И весь семьдесят четвертый год я писал уже только “Сашку”. “Селижаровский тракт” я заканчивал спустя два года»². Косвенно ответ на вопрос, почему для писателя в процессе работы оказывается важным рассказать историю рядового солдата, отличного по своему характеру и биографии от автобиографического героя, дает сам Кондратьев в своих последующих произведениях: его проза отличается многоголосием, и в этом военном «хоре» важен каждый голос.

Мы уже говорили о том, что, на наш взгляд, проза Кондратьева является началом нового этапа развития той художественной формы отражения реальности, которая воплотилась в творчестве писателей «лейтенантской» прозы³. В их повестях доминировала точка зрения одного или нескольких персонажей, попытки построения полифонического повествования в силу разных причин не дали художественно убедительных результатов. Кондратьев преодолевает эту «монологичность» и на уровне организации повествовательной структуры своих произведений (по крайней мере, в лучших из них), и на уровне жанровом, обращаясь к художественной форме, «столь же емкой, как роман, но еще более свободной»⁴, – циклу.

Впервые определение «военной» прозы Кондратьева как «ржевского романа» прозвучало в письме В. Астафьева: «Месяц читал твоего “Сашку”⁵, или, точнее сказать, “ржевский роман”. Очень хорошую, честную и горькую книгу собрал. Она читается и воспринимается как роман, и что в ней лучше, что хуже, я су-

¹ Кондратьев В. Уходили на фронт мальчишки: Интервью // Смена. 1985. № 1391 (smena-online.ru/stories/vyacheslav-kondratev-ukhodili-na-front-malchishki).

² Цит. по: Огрызко В. Моя война – это страшный пехотный бой.

³ Ялышко В.Г. Творчество Виктора Некрасова и пути развития «военной» прозы: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1995. 218 с.

⁴ Лазарев Л.И. Это наша судьба. М., 1983. С. 49.

⁵ Речь идет о сборнике 1981 г., названном, как первая повесть Кондратьева, – «Сашка». В сборник были включены следующие повести и рассказы: «На 105 километре», «Селижаровский тракт», «Овсянниковский овраг», «На поле Овсянниковском», «Сашка», «Борькины пути-дороги», «Отпуск по ранению», «Привет с фронта», «День Победы в Черново».

дить не берусь – книга едина...»¹. О своеобразии жанровой структуры прозы Кондратьева писали многие исследователи², но так или иначе в их определениях повторялось то, что было отмечено Астафьевым: повести воспринимаются как единый текст, обладающий романной многомерностью отражения реальности. Начало этого романного повествования – повесть «Селижаровский тракт». О ней и поговорим подробнее.

Первые строки «Селижаровского тракта» приближают героев и нас к передовой:

«Хр-р-хр-р...» глухо похрипывает передовая то спереди, то справа, и кроваво полыхает небо – жутковато, неотвратимо...

Неотвратимость этого надвигающегося на них неба ощущают все. Знают и то – дорога эта, может, последнее, что есть в их жизни. Знают, но стараются об этом не думать. Но все же со скрытой завистью поглядывают на тех, кто обратно, для тех все позади. Их немного. Остальные остались т а м . Это тоже все понимают и потому идут молча – только топот ног, бряцанье оружия и редкие команды:

– Подтянуться! Отставить курение!

Молчат и думают... О чем? О близкой смерти, которая зарницами подмаргивает им с горизонта? Наверное, нет. Большинство идет на войну в первый раз – не знают еще, что такое п е р е д о в а я . Некоторые даже плохо представляют, что такое п е х о т а .

Они демонстративно не снимают с петлиц эмблемы своих прежних родов войск: тут и золотистые танки, и перекрещенные пушки, и молоточки инженерных, и замысловатая красивая эмблема ВОСО, и даже крылышки летчиков Да, летчиков! Разумно ли это? Командир первой роты старший лейтенант Кравцов знает, что значит это багряное небо впереди. В первый раз шел он туда взводным, сейчас идет ротным, в третий раз, ежели останется живым, пойдет, может, и комбатом, но это не радует – он знает, что т а м ³.

Глаголы настоящего времени несовершенного вида, имеющие значение многократного действия, создают в тексте эффект «продолженного времени», о котором Б. Успенский писал: «Мы как бы помещаемся внутри данного действия, становясь по отношению к нему синхронными свидетелями»⁴. Использование настоящего исторического времени (т. е. формы настоящего времени), которое «повествует о действиях, происходивших в прошлом»⁵, работают на «образную актуализацию прошлого»⁶. Однако важно отметить, что, по верному наблюдению Е.В. Падучевой, настоящее историческое переносит в прошлое «не момент речи, а момент наблюдения»⁷. То есть повествователь занимает позицию, которая позволяет ему как наблюдателю находиться во времени своих героев, а как рассказчику – во времени читателя. Использование подобной формы повествования, конечно же, не является открытием Кондратьева. Если говорить о рассматриваемом нами течении «военной» прозы, то подобную форму повествования мы встречаем и у других авторов, например у Г. Бакланова («Пядь земли»), но там повествование ведется от первого лица, что придает изображаемой картине достоверность и лирическую окрашенность. Этими качествами обладает и текст Кондратьева, но принципиальным отличием является то, что форма настоящего историческо-

¹ Цит. по: Рюмина Н.В. Жанрово-стилевые особенности прозы В.Л. Кондратьева: Дисс... канд. филол. наук. Тверь, 2006. С. 22.

² Подробно об этом говорится в диссертации Н.В. Рюминой.

³ Кондратьев В.Л. Селижаровский тракт // Кондратьев В.Л. Сороковые... : Рассказы и повести. М., 1988. С. 82. Далее цитаты даются по этому изданию с указанием стр.

⁴ Успенский Б. Поэтика композиции. М., 1970. С. 101.

⁵ Бондарко А.В. Вид и время русского глагола. М., 1971. С. 426.

⁶ Бондарко А.В. Вид и время русского глагола. С. 145

⁷ Падучева Е.В. К интерпретации видо-временных форм в нарративном режиме: настоящее историческое. lexicograph.ruslang.ru/TextPdf2/nast_istor.pdf

го времени в монологе неперсонифицированного повествователя дает эффект, аналогичный тому, о котором говорил Д.С. Лихачев, анализируя древнерусскую литературу: «Рассказ о прошлом все более становится из фиксации прошлого реконструкцией прошлого». И вывод, сделанный Д.С. Лихачевым в отношении функции изменения временной парадигмы в историческом повествовании, можно отнести в полной мере к повести Кондратьева: «Это была одна из форм борьбы с искажением действительности, уходящей в прошлое, борьба за его бессмертие»¹.

Особое внимание обращают на себя так называемые «ключевые слова», выделенные в тексте разрядкой. В диссертации Н.В. Рюшиной подробно анализируются семантические комплексы «ключевых слов» в «ржевском романе» (всего выделено 246 единиц), исследовательница говорит о том, что «количество компонентов в таких отдельных комплексах колеблется от 1 до 46 и определяется не столько жанром произведения... сколько его значимостью для всего цикла», «больше всего выделенных писателем слов в “Селижаровском тракте” (36 единиц), “Сашке” (46), “Отпуске по ранению” (40), “Встречах на Сретенке” (31)», поскольку «эти произведения представляют собой своего рода смысловые центры цикла В. Кондратьева: дорога на фронт, фронт, тыловая жизнь глазами фронтовика, послевоенная жизнь глазами фронтовика». Очевидно, что, как отмечает Н.В. Рюшина, такая высокая частотность использования Кондратьевым данного приема объясняется «желанием увеличить смысл текста в целом»². Нам представляется, что выбор данного приема (который в другом художественном контексте мог бы свидетельствовать скорее о неспособности автора донести до читателя мысль, настроение и т. п. образными средствами, а в текстах Кондратьева выглядит органично) определяется еще и принципиальным неприятием Кондратьевым любых форм беллетризации образа войны. В одном из интервью он говорил, как «опасно обилие приключенческой, детективной беллетристики, созданной якобы “на материале” Второй мировой... Под “беллетристикой” я прежде всего подразумеваю вторичный характер повествования...»³ Видимо, это понимание именно опасности «вторичности» того образа войны, который создает культура и который формирует представление о войне следующих поколений, и, следовательно, понимание ответственности писателей-фронтовиков перед прошлым и будущим за сохранение правды о тех событиях – исторической, психологической, бытовой – заставляет писателя выбирать художественные средства, не маркированные как литературный прием и вместе с тем помогающие расставить авторские акценты в тексте. И здесь уместно вспомнить о драматургическом опыте Кондратьева: использование в тексте «ключевых слов», выделяемых в тексте разрядкой, во многом сходно с тем, как в драматургии работают невербальные способы передачи авторской идеи (свет, звук).

Говоря о стремлении Кондратьева преодолеть литературные условности построения текста, интересно остановить внимание в «Селижаровском тракте» на сцене, где один из героев читает свои стихи:

На одном из привалов Лапшин читает стихи, сочиненные в пути:

Ты не ходил еще, товарищ, по дорогам,
По которым прошла война,
По которой в молчании строгом
Трое суток идем мы без сна...

¹ Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. М., 1979. culture.wikireading.ru/57225

² Рюшина Н.В. Жанрово-стилевые особенности прозы В.Л. Кондратьева. С. 115–116.

³ Кондратьев В. Уходили на фронт мальчишки: Интервью.

Обычно заикающийся, стихи Лапшин читает ровно, но тягуче, с подвыванием и почему-то шепотом:

Ты не знаешь, как в пургу метельную
На привалах валишься в снег,
И какую тоску беспредельную
На войну несет человек...

– А несем ли мы тоску беспредельную, ребятки? – задумчиво протягивает Коншин.

– Подожди, пусть читает дальше, – перебивает Чураков.

Лапшин продолжает и заканчивает строками:

...Но даже на этой дороге
Нету время тебе отдохнуть...

В кадровой Илья в строю не служил – «перекрывался» в редакции бригадной многотиражки, а потому не хватил того, что досталось ребятам в полковой школе, и сейчас ему тяжелее других.

– Актуально, – басит Чураков. Это – насчет «нету время тебе отдохнуть», хотя он сам выглядит свежее остальных.

Да, устают все... Жратва слабая, привалы короткие. Дневки – скорее подготовка к отдыху, чем сам отдых: пока нарубишь лапнику, пока соорудишь шалашик, пока прождешь обед, и остается каких-то три-четыре часа сна холодного, голодного, а потому мелистого. Не заспишь таким сном ни усталости, ни тревожных мыслей... А там опять дорога – долгая темная дорога на войну (стр. 86–87).

Автором стихотворения является сам Кондратьев¹. Уже авторство этого и других стихотворений, а также отзывы о поэтах-фронтовиках, в частности высокая оценка поэзии Ю.С. Белаша, в рецензии на книгу которого Кондратьев сравнивает прозаика и поэта: «Перечитывая Ю. Белаша, – а я делаю это часто, – невольно ловишь себя на некой зависти к поэту. Ведь то, для чего прозаику нужна не одна книга, поэту удалось сконцентрировать в тоненькой книжечке и рассказать в ней почти в с ё о войне»², – уже все это говорит о том, что, конечно, писатель не считает, будто «проза» войны не может быть воплощена в «поэтическом» облике, но в самом тексте повести очевиден диссонанс между звучанием поэтических строк и той реальностью, которая воссоздается в тексте.

Драматургический опыт Кондратьева во многом определяет принципы сюжетного построения. Точнее, на наш взгляд, говорить здесь даже не о собственно драматургических приемах, а о влиянии кинематографа. Сцены монтируются между собой без всяких «скреп», происходит как бы перемещение объектива камеры, в одно целое отдельные эпизоды объединяет место действия, единство ситуации, в которую вовлечены все герои, и авторский голос, вбирающий в себя голоса всех основных героев. Благодаря использованию всех этих приемов достигается эффект почти физического ощущения присутствия внутри изображаемой реальности, – эффект, условно говоря, снятия «четвертой стены» между пространством и временем действия – и читателя.

Сюжет «Селижаровского тракта» представляет собой микромодель войны: дорога на фронт, военные будни, бой, потери, поражение и победа: «И почти не страшным кажется Коншину предстоящий день, утренний минометный обстрел и

¹ Стихотворение посвящено Илье Александровичу Лапшину (1920–1943), с которым Кондратьев подружился еще во время службы на Дальнем Востоке и который стал прототипом героя повести. Подробнее о судьбе Лапшина см.: *Логвинова Мила. Их голоса припоминая...* (www.stihi.ru/2015/06/09/3785).

² Из предисловия В. Кондратьева к книге Ю.С. Белаша «Окопные стихи» (М., 1990). dozor.narod.ru/writers/bel_kondr.html

всё, что будет происходить на этом клочке земли, называемом передовой... Взяли они “языка”, взяли... Значит, не зря всё, не зря...» (стр. 172).

Никак иначе и не мог закончить свое, по сути первое, произведение о войне писатель, считавший, что война стала главным делом в жизни его поколения, но он же называл свое поколение «потерянным», и для него это «не зря» не отменяет вопроса о цене победы, которая была «завышенной» из-за того, что жизнь отдельного человека с точки зрения командования приравнивалась почти к нулю. Разведка боем, бессмысленность и случайность гибели людей, – случайность, представляющаяся закономерным результатом стратегии войны «большой кровью»; героическое поведение Андрея Шергина, обрекшее на смерть, которая могла обойти стороной, по крайней мере в этом бою, солдат его роты, – все это ложится на одни весы вместе с «не зря всё, не зря», не перевешивает, но заставляет читателя, прошедшего по Селижаровскому тракту весь путь вместе с героями и автором, принять и тот военный опыт сегодня уже почти ушедшего поколения фронтовиков: война не бывает красивой, цена победы в войне всегда уже изначально высока – жизнь человека. Непонимание этого делает цену победы непомерно высокой.

– Ну, а однополчан встречаете?

– Ни разу. Из пятидесяти прибывших на фронт тогда с Дальнего Востока к моменту моего последнего ранения в живых оставался лишь один Пахомов, но разыскать его не смог. Вот что такое Ржев... Всякий раз девятого мая с надеждой иду к Большому театру...¹

Наша статья не претендует на целостный разбор поэтики прозы В.Л. Кондратьева, тем более что в критических и литературоведческих работах творчество писателя получило достаточно полное освещение². Мы остановили внимание на некоторых чертах художественного стиля писателя, проявившихся уже в повести «Селижаровский тракт», анализ которых позволил увидеть, чем определяется индивидуальность кондратьевских страниц в той летописи о Великой Отечественной войне, которая создавалась писателями военного поколения.

ЛИТЕРАТУРА

Кондратьев В.Л. Селижаровский тракт // Кондратьев В.Л. Сороковые... : Рассказы и повести. М.: Современник, 1988. С. 82–172.

Кондратьев В. Уходили на фронт мальчишки: Интервью // Смена. 1985. № 1391 (smena-online.ru/stories/vyacheslav-kondratev-ukhodili-na-front-malchishki).

Огрызко В. Моя война – это страшный пехотный бой // Литературная Россия. 2006. № 28 (litrossia.ru/archive/item/1005-tratatest).

Рюмишина Н.В. Жанрово-стилевые особенности прозы В.Л. Кондратьева: Дисс. ... канд. филол. наук. Тверь, 2006. 183 с.

REFERENCES

Kondratiev V.L. Selizharovsky Trakt [Selizharovo Road]. In: Kondratiev V.L. The Fortieth... : Short-Stories and Novellas. Moscow. Sovremennik Publ. 1988, pp. 82–172.

Kondratiev V. Boys Were Heading to the Front: Interview. *Smena*. 1985. No 1391 (smena-online.ru/stories/vyacheslav-kondratev-ukhodili-na-front-malchishki).

¹ *Кондратьев В.* Уходили на фронт мальчишки: Интервью.

² Достаточно полную библиографию по творчеству В.Л. Кондратьева можно найти в диссертации Н.В. Рюмишиной.

Ogryzko V. My War is a Frightful Infantry Battle. *Literaturnaya Rossiya*. 2006. No 28 (litrossia.ru/archive/item/1005-tratatest).

Rjumshina N.V. (2006) Genre and Style Features of V.L. Kondratiev's Prose: PhD Thesis. Tver. 183 p.

Сведения об авторе:

Виктория Георгиевна Моисеева,
канд. филол. наук
научный сотрудник
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Victoria Moiseeva,
PhD
Research Associate
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
moisvik44@gmail.com